

КАК БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК ВЛИЯЕТ НА РУССКИЙ?¹

В статье демонстрируется влияние живой народной речи белорусов (часто смешанной) и белорусского литературного языка на белорусскую разновидность русского языка. Показано, что литературные и нелитературные белорусизмы входят в русскую речь белорусов в результате действия различных механизмов пере-ключения кодов (вставки и конгруэнтной лексикализации), а также различаются в функциональном аспекте, в первую очередь прагматически.

Языковая ситуация в Республике Беларусь. В Беларуси государственное двуязычие: по закону белорусский и русский языки равны. Однако в коммуникативном пространстве Беларуси русский язык доминирует, несмотря на процессы последних лет, которые получили название «мягкая белорусизация». По данным опросов, большинство белорусов в повседневном общении пользуются русским языком или белорусско-русской смешанной речью (так называемой трасянкой). Перепись населения 2009 г.

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

показала, что среди этнических белорусов 69,8 % использовали в повседневной коммуникации русский, 26,1 % – белорусский, 4,2 % – другие языки [1, с. 355]. Данные социологического исследования, выполненного участниками Ольденбургского проекта по изучению белорусско-русской смешанной речи, оказались иными: 11,2 % белорусов говорят на «правильном русском языке», 43,4 % – на русском языке с использованием белорусских слов, 41 % используют смешанную речь, 4 % – белорусский язык с русскими словами и лишь 0,4 % – «правильный белорусский» [2, с. 66]. Сопоставление результатов двух опросов показывает, что включение в ответы смешанной речи приводит к драматическому уменьшению количества людей, говорящих по-белорусски (26,1 % vs. 4,4 %). Кроме того, для нашего исследования является важным, что большинство опрошенных в рамках совместного белорусско-немецкого проекта – это люди, которые говорят не на литературном русском языке, а на русском языке с некоторыми белорусскими словами.

Белорусско-русская смешанная речь – сложный объект лингвистического исследования. В частности, возникает вопрос, насколько правомерно называть данное языковое образование отдельным идиомом. Определение смешанной речи как языкового кода соответствует интуиции носителей, которые противопоставляют людей, говорящих по-русски, по-белорусски и на «трасянке». Г. Хентшель и ряд других участников Ольденбургского проекта предприняли попытку продемонстрировать стабилизацию смешанной речи [3; 4], однако дискуссии продолжаются, и вопрос о статусе смешанной речи остается открытым [5], поскольку степень структурной кристаллизации данного лингвистического феномена несопоставима с тем, что обычно называется языком.

Интересный вопрос представляет усвоение языка детьми в Беларуси (слово *язык* здесь употребляется в широком смысле и включает смешанную речь). Есть монолингвальные (родители говорят по-белорусски или по-русски) и билингвальные семьи (кто-то говорит по-белорусски, кто-то – по-русски), которые вписываются в классические схемы описания раннего билингвизма. Однако во многих семьях в повседневной коммуникации используется смешанная речь. В таком случае нельзя сказать, что ребенок растет в двуязычном окружении – фактически он монолингв: его окружает стихия смешанной речи, которую он и усваивает в качестве своего первого идиома (смешанный характер этой речи для ребенка не является психологически реальным) [6, р. 267]. Далее в процессе социализации (обучения в школе, чтения текстов и усвоения информации из других источников и т.д.) ребенок овладевает русским и белорусским литературными языками. Таким образом, те элементы, которые ребенок усвоил ранее, начинают восприниматься как части различных языковых систем [Там же].

Речь многих жителей Беларуси является смешанной, однако соотношение «русских» и «белорусских» элементов может быть различным. Кроме того, необходимо понимать, что провести границы между идиомами в русско-белорусском континууме сложно ввиду близости белорусского и русского языков. В целом системы белорусского и русского языков не являются изолированными в белорусском обществе. Так, в частности, есть

основания считать, что белорусско-русская смешанная речь заполняет в Беларуси ту же функциональную нишу (причем, по-видимому, и для русского, и белорусского языков), что и просторечие в России.

Во многих работах, посвященных белорусско-русским языковым контактам, отмечается специфика русского языка в Беларуси. При этом сам идиом называется по-разному: белорусский «нациолект» [2; 3; 4; 7; 8], «вариант» [5], «разновидность» и т.п. русского языка. Мы используем обозначение «белорусская разновидность русского языка». Подробнее о выборе термина см. [9].

Специфика белорусского русского не сводится к языковым контактам. Ряд лингвистических фактов, специфических для данного идиома, – это результат действия внутренних факторов языкового развития [10]. Кроме того, часто языковые контакты являются катализатором внутренних процессов. В данной публикации мы сосредоточим внимание на белорусско-русских языковых контактах.

Представим гипотезу нашего исследования. Рассматривая происхождение смешанной речи, Г. Хентшель отметил, что «литературный белорусский язык играет скорее роль адстрата между белорусским диалектным субстратом и доминирующим русским суперстратом – роль, основанную на его сохраняющейся представленности в школах, обычно в качестве школьного предмета и значительно реже в качестве языка обучения (последнее имело место в первую очередь в сельской местности), а также на использовании в некоторых СМИ» [4, с. 213], см. также [11] об украинско-русской смешанной речи.

Белорусская разновидность русского языка иногда описывается как русский язык с белорусским субстратом [6, р. 261]. Но мы можем пройти на один шаг вперед и, развивая идею Г. Хентшеля, предположить, что в белорусской разновидности русского языка есть белорусизмы различной природы. С одной стороны, идиом пополняется единицами из живой народной речи. С другой стороны, в белорусский русский проникают элементы белорусского литературного языка.

Влияние живой народной речи белорусов на белорусский русский.

Для иллюстрации механизма влияния белорусской¹ речи с диалектной основой на белорусскую разновидность русского языка приведем следующее наблюдение носителя:

(1) Я использую трасянку произвольно, так как в моей семье на трасянке говорят старшие, например, бабушка, которая родилась в деревне и переехала в молодости в Минск. Ей было сложно освоить русский, так как в деревне она говорила на белорусском языке, поэтому даже спустя десятилетия в ее речи присутствуют белорусские слова, которыми она заражает всю семью, и мы произвольно начинаем некоторые из слов использовать в своей речи... [12].

Подобные мысли звучат и в академических работах. Так, Н. Б. Мечковская отмечает: «Что касается трасянки, то конечный пункт “естественной” эволюции смешанной речи – это не “новый белорусский”, но русский язык с постепенно слабеющим “белорусским акцентом” (в широком смысле слова)» [5, с. 244].

¹ Как правило, в настоящее время она является не чисто белорусской, а смешанной.

Затрагивает этот вопрос и Г. Хентшель: исследователь выделил различные типы носителей смешанной речи в зависимости от насыщенности их речевой продукции элементами белорусского и русского языков, а также гибридными единицами. Крайними точками в континууме идиолектов являются следующие:

- много «гибридных» и «белорусских» и мало «русских» высказываний (ГБ);
- «русские» высказывания преобладают над «гибридными» и «белорусскими» (Р) [3, с. 91].

О «наиболее русском» (Р) типе смешанной речи исследователь пишет следующее: «Не исключено, что тип Р представляет собой тип среднего белоруса будущего. Если русский язык еще больше укоренится в Белоруссии, вытесняя при этом не только белорусский язык, но частично и БРСР [белорусско-русскую смешанную речь], то под типом говорящих Р можно будет понимать русскоговорящих белорусов, сохраняющих в своей непринужденной речи различные явления белорусского языка» [Там же, с. 105].

Уже сейчас русская речь жителей Беларуси насыщена элементами автохтонного белорусского языка. Подобные единицы присутствуют на всех уровнях языковой структуры, и их функционирование зависит от различных социальных и коммуникативных факторов. Приведем несколько примеров из фонетики, лексики и грамматики.

На фонетическом уровне наблюдается, к примеру, ослабленная редукция гласных и так называемое цеканье и дзеканье – аффрикаты вместо взрывных [т'] и [д'] (ареал распространения последнего явления не ограничивается Беларусью [8, с. 134], однако в исследуемом нами идиоме оно является очень распространенным: взрывной мягкий [т'] практически не встречается).

Наиболее очевидным примером контактно-обусловленных явлений в лексике является использование белорусизмов (некоторые такие единицы не являются исконно белорусскими, но они проникли в русскую речь белорусов из белорусского языка): *поречка/паречка* ‘красная смородина’, *шуфлядка* ‘выдвижной ящик’, *ссобойка* ‘еда, которую берут с собой на работу, в школу и т.п.’, *трохи* ‘немного’, *труцить* ‘есть (с аппетитом, быстро и т.д.)’ и т.п.

Ввиду значительно структурной близости белорусского и русского языков грамматические особенности белорусской разновидности русского языка во многом являются лексикализованными: как правило, они не охватывают больших классов единиц, а ограничены отдельными лексемами или группами лексем. В частности, в Беларуси наблюдается более высокая (по сравнению с Россией) частотность синтаксических конструкций типа *мне болит* вместо *у меня болит* или *смеяться с него* вместо *смеяться над ним* и т.п. Используются слова с префиксом *за-*, обозначающие высокую степень проявления признака: *замного* ‘слишком много, многовато’, *замало* ‘слишком мало, маловато’ и т.п.

Влияние белорусского литературного языка на белорусский русский. Источником белорусизмов может быть не только живая народная речь белорусов (как правило, смешанная), но и литературная форма существо-

вания белорусского языка. Источник таких белорусизмов – это художественная литература, СМИ, учебники и т.п. Приведем контекст, иллюстрирующий этот механизм включения в русскоязычный текст белорусских элементов:

(2) *Мы редко говорим по-белорусски, иногда даже стесняемся этого языка и стремимся говорить на чистом русском. Но часто говорим по-русски так, что россияне думают, что это белорусский язык. <...> Белорусы не националисты, но если судьба прижмет, скажут что они не из России, а из Беларуси – попросим не путать – it's a country between Poland and Russia with many beautiful lakes and rivers. А если уж совсем одолеют, то кровь **ліцьвіна** вскипит и он, как бы плохо не учился, извлечет из корки подсознания: «**Мой родны кут, як ты мне мілы, забыць цябе не маю сілы**». И запечатает все это еще невесть как вспомненной белорусской народной песней «**Купалінка**» или «**Цячэ вада ў ярку**». Короче, зубры тут еще живы. И это мы. Каждый из нас (ГИКРЯ, ЖЖ: mefisteufe)¹.*

Подобные единицы часто функционируют как иноязычные вкрапления различного объема, при этом в лексических единицах могут сохраняться грамматические показатели, характерные для белорусского языка. См. первый выделенный пример в контексте (3):

(3) *А я вот никому ничего не должен. И буду писать по-русски «Белоруссия», а не «Беларусь». И имел я ввиду всяких местечковых «**филё-лягау**»², указывающих русским на то, как правильно по-русски. Пускай в своей «**филялёгии**» изгаляются до потери пульса – меня их проблемы не интересуют (ГИКРЯ, ЖЖ: streithahn);*

*Знаете, наша литература – как и наша государственность, и наш язык, и наше ощущение «самости» 20 лет отходили от распада империи, которой когда-то принадлежали. То, что возникло на руинах колониализма, на первых порах было мелко по темам, бледно по сюжетам, оглядывалось то на Москву, то на сокровища «**сівой даўніны**» (В. Мартинович) (<https://belaruspartisan.by/life/457830/>).*

Как правило, белорусизмы литературного происхождения имеют цитатный характер и могут маркироваться в тексте при помощи кавычек. Иногда такие языковые единицы осваиваются русским языком и переходят в разряд узувальных заимствований, что демонстрирует проницаемость границ между переключением кодов и заимствованием. В результате некоторые фрагменты из текстов на белорусском языке становятся фразеологическими и лексическими особенностями белорусской разновидности русского языка.

Если единицы, проникшие в белорусскую разновидность русского языка из живой народной речи белорусов, часто нейтральны и функционируют в качестве основного обозначения объекта действительности (*шувлядка*,

¹ В примерах воспроизводится орфография и пунктуация оригинала. Примеры с пометой ГИКРЯ, ЖЖ взяты из подкорпуса «Живой Журнал» Генерального интернет-корпуса русского языка (webcorpora.ru).

² Поскольку в белорусском языке есть несколько стандартов: «официальный» и «неофициальный» (так называемая тарашкевица, белорусское классическое правописание и т.д.), то в текстах могут встречаться белорусизмы в различном оформлении. В данном контексте воспроизводится тарашкевица.

ссобойка и т.д.), то литературные белорусизмы, как правило, используются в русской речи с определенными прагматическими задачами, связанными с базовой оппозицией *свое – чужое*, ср. примеры (2) и (3).

Типы переключения кодов. П. Мейскен выделил три типа переключения кодов в рамках одного предложения: чередование, вставка, конгруэнтная лексикализация. При чередовании (*alternation*) фрагменты на двух языках с четкими границами перемежаются в коммуникации. При вставке (*insertion*) небольшие фрагменты на одном языке (как правило, слова) включаются в более крупный фрагмент на другом языке. Конгруэнтная лексикализация (*congruent lexicalization*) – ситуации, когда фрагменты текста перемежаются друг с другом без четких границ. По мнению Г. Хентшеля, последняя модель характерна для белорусско-русской смешанной речи [4]. Эти типы переключения кодов не разделены непреодолимыми границами. В двуязычных сообществах они представлены в разной степени, и на представленность паттернов в коммуникации влияют различные факторы (важным является структурная близость языков и т.д.).

Анализ нашего материала показывает, что единицы литературного происхождения изначально функционируют в тексте как вставки (позже они могут подвергаться освоению и растворяться в тексте), а в русской речи с белорусским диалектным субстратом обычно используется такой паттерн переключения кодов, как конгруэнтная лексикализация (с течением времени единицы белорусского происхождения закрепляются в качестве нейтральных обозначений в белорусской разновидности русского языка).

Вернемся к вопросу, внесенному в заголовок статьи, о том, как белорусский язык влияет на русский.

В о - п е р в ы х, источником особенностей русского языка в Беларуси является живая народная речь белорусов (в настоящее время обычно смешанная): языковые единицы дрейфуют в белорусско-русском языковом континууме и, в частности, переходят из смешанной речи в белорусскую разновидность русского языка. В этом случае контактное влияние охватывает все уровни лингвистической структуры, языковые единицы часто используются без дополнительных прагматических функций, а белорусский характер таких языковых единиц может не осознаваться.

В о - в т о р ы х, белорусизмы проникают из литературного языка через цитацию (в том числе ироническую): белорусские элементы намеренно включаются в текст на русском языке. Такие иноязычные вкрапления могут закрепиться в узусе и стать лексическими и фразеологическими особенностями идиома. Для подобных языковых единиц характерно наличие прагматической нагрузки, однако со временем прагматический потенциал может ослабевать.

Конечно, четкую границу между этими явлениями провести нельзя. Речевая продукция белорусов гетерогенна, а границы между фрагментами белорусско-русского языкового континуума размытые. Так, очевидно, что установить источник конкретного белорусизма часто невозможно, поскольку многие лексические единицы присутствуют и в литературном языке,

и в диалектах. Кроме того, литературные единицы цитатного характера могут закрепляться в узусе и уже не восприниматься как иноязычные вкрапления. Но в целом единицы из народной (часто смешанной) и книжной речи, кода первичной социализации и выученного языка, проникают в белорусский русский различными способами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перепись населения 2009 г. : в 8 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Информ.-вычисл. центр Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – Т. 3 : Национальный состав населения Республики Беларусь / редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – 433 с.
2. Хентшель, Г. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология. – 2011. – № 4. – С. 62–78.
3. Хентшель, Г. Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки» / Г. Хентшель // Вопр. языкознания. – 2016. – № 6. – С. 84–112.
4. Хентшель, Г. Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки» / Г. Хентшель // Русский язык в научном освещении. – 2017. – № 1 (33). – С. 209–250.
5. Мечковская, Н. Б. Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2018. – № 1 (35). – С. 226–250.
6. Zeller, J. P. Psycholinguistic aspects of Belarusian-Russian language contact. An ERP study on code-switching between closely related languages / J. P. Zeller, G. Hentschel, E. Ruigendijk // Slavic languages in psycholinguistics : Chances and challenges for empirical and experimental research / ed. by T. Anstatt, A. Gattnar, C. Clasmeier. – Tübingen : Narr Francke Attempto Verl., 2016. – P. 257–279.
7. Гируцкий, А. А. О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта» / А. А. Гируцкий, А. Е. Михневич // Вариативность как свойство языковой системы : тез. докл. – М. : Наука, 1982. – Ч. 1. – С. 77–79.
8. Русский язык в Белоруссии / под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 272 с.
9. Горицкая, О. С. Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах / О. С. Горицкая // Rusistica Latviensis. – 2018. – № 8 (в печати).
10. Горицкая, О. С. Лексические особенности русского языка в Беларуси, не связанные с влиянием белорусского языка / О. С. Горицкая // Respectus Philologicus. – 2018. – № 34 (39). – С. 48–60.
11. Дель Гаудио, С. Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков / С. Дель Гаудио // Slověne. – 2015. – № 2. – С. 214–243.
12. Vashkova, M. Ruský jazyk v Bělorusku : bakalářská práce [Электронный ресурс] / M. Vashkova ; Západočeská univerzita v Plzni. – Plzeň, 2015. – 43 s. – Режим доступа: dspace5.zcu.cz/bitstream/11025/24401/1/Vashkova_BP_2015.pdf. – Дата доступа: 10.03.2019.

13. *Muysken, P.* Code-switching processes: Alternation, insertion, congruent lexicalization / P. Muysken // Language choices : conditions, constraints, and consequences / ed. by M. Pütz. – Amsterdam [etc.] : Benjamins, 1997. – P. 361–380.